

УДК 801.(07.07)

КОНТРАСТИВНЫЙ АНАЛИЗ КАК ОСНОВА ОБУЧЕНИЯ ПЕРЕВОДУ

Эмирусейнова Э.Н.

Рассмотрены вопросы сознательного контроля над фонологическими, грамматическими и лексическими структурными особенностями изучаемого языка, которые могут быть воспитаны и привиты студентам только посредством контрастивного анализа языков.

Ключевые слова: контрастивный анализ, лексические и грамматические модели, структурная особенность, сознательный контроль.

Цель статьи – применение сравнительной типологии в методике обучения иностранным языкам.

В последнее время большое внимание лингвистов, философов и психологов привлекает теория «лингвистической относительности», известная под названием «гипотеза Сепира—Уорфа». Сущность этой теории ясна из следующего высказывания известного американского лингвиста Э. Сепира: «Язык служит руководством к восприятию социальной действительности». Человеческое существо живет не в одном только объективном мире и не в одном только мире общественной деятельности, как это обычно полагают. В значительной степени человек находится во власти конкретного языка, являющегося средством выражения мыслей и эмоций в данном обществе [1]. Совершенно ошибочно полагать, что человек ориентируется в действительности без помощи языка и что язык есть просто случайное средство решения специфических проблем общения и мышления. «Факты свидетельствуют о том, что реальный мир в значительной мере бессознательно строится на языковых нормах данного общества. Не существует двух языков настолько тождественных, чтобы их можно было считать выразителями одной и той же социальной действительности. Миры, в которых живут различные общества, — отдельные миры, а не один мир, использующий разные ярлыки» [3]. Эту мысль Сепира, которая фактически восходит к известным идеям В. Гумбольдта о языковой замкнутости людей, развил ученик Сепира Б. Уорф. Уорф стремился доказать, что даже самые общие категории логики — субстанция, пространство, время — трактуются конкретными языками по-разному, в зависимости от их структурных качеств. «Мы исследуем природу, — пишет Уорф, — по тем направлениям, которые указываются нам нашим родным языком. Категории и формы, изолируемые нами из мира явлений, мы не берем как нечто очевидное у этих явлений; совершенно обратно — мир предстоит перед нами в калейдоскопическом потоке впечатлений, которые организуются нашим сознанием, и это совершается, главным образом, посредством лингвистической системы, запечатленной в нашем сознании» [2]. Подобного рода рассуждения дают основание Уорфу сделать общий вывод о том, что «каждый язык обладает своей метафизикой», из чего следует, что если бы, например, Ньютон говорил и думал не по-английски, а, скажем, по-китайски, то и построенная им теория мироздания приняла бы совершенно иной вид.

Гипотеза Сепира—Уорфа использует наличие структурных различий в разных языках только для теоретико-философских обобщений об относительности всех человеческих знаний, которые, по мнению ее создателей, зависят от конкретных особенностей отдельных языков. Нас в этой статье интересует проблема перевода с одного языка на другой, и использования этого перевода как средства для выявления конкретных структурных различий между двумя языками в методических целях.

Методика преподавания языков давно уже отказалась от того, чтобы различие двух языков сводить, говоря языком Сепира, к различию ярлыков или (если говорить о грамматике) к различию формальных правил. Когда речь идет о структурном различии языков, то под ним ныне понимаются не только грамматические правила, но и семантические особенности языков, которые сплетают с грамматикой в высшей степени тесный и сложный узел. Это приводит к

тому, что всякий раз, когда мы то или иное грамматическое правило «заполняем» конкретными лексическими единицами, приходится строить особое «микроправило» на употребление этой лексической единицы. Механическая работа памяти, конечно, неспособна справиться с огромным количеством такого рода «микроправил». Вот тут-то и приходит на помощь контрастивный анализ более «тонких» структур двух языков (родного и иностранного).

При изучении иностранного языка приходится преодолевать инерцию родного языка, что оказывается далеко не простым делом. Человек с детства (когда он, кроме родного языка, не изучает других) привыкает к тому, что в речи все должно быть так, как это имеет место в родном языке, и всякое отклонение от норм родного языка воспринимает как нарушение естественного порядка вещей. Он, например, привык к тому, что «пол» — мужского рода, а в английском языке *floor* не имеет рода, Я еду на автобусе - *I take a bus* (Я беру автобус). Получается, что при изучении иностранного языка приходится усваивать новые речевые модели и структуры, которые (особенно на первых порах) представляются не очень удобными, а иногда даже странными и нелепыми.

При сопоставлении иностранного и родного языка в процессе обучения создается возможность более сознательного (не только «автоматического») использования и своего родного языка. Сопоставление родного языка с другими часто раскрывает человеку богатства родного языка, о которых он и не подозревал.

Изложенные выше общетеоретические предпосылки были внимательно рассмотрены американским психологом Дж. Кэроллом и положены в основу теории обучения иностранным языкам, которую он называет «познавательной кодо-обучающей теорией». Согласно этой теории, «изучение языка есть процесс приобретения сознательного контроля над фонологическими, грамматическими и лексическими моделями второго языка, главным образом путем изучения и анализа этих моделей как значимых элементов» [7]. Кэролл утверждает, что в процессе вырабатывания речевых навыков именно сознательное привлечение внимания к особенностям и трудностям приобретения этих навыков способствует их созданию у учащихся, например: *It takes me long time to get to..., it is difficult for me to do..., would you mind..., I would like to do..., Could you give me....* Если удастся достичь сознательного контроля над структурными особенностями изучаемого языка, навык будет развиваться автоматически по мере того, как он многократно будет применяться в соответствующих ситуациях. Но сознательное отношение к структурным особенностям иностранного языка может быть воспитано и привито учащимся только посредством контрастивного анализа языков [8].

Контрастивный анализ может проводиться на всех уровнях языка — фонологическом, грамматическом и лексическом (а точнее, лексико-семантическом). Общая, стилистически нейтральная лексика, составляющая основу всякого языка, обладает наибольшими структурно-семантическими различиями в разных языках. Можно утверждать, что почти невозможно найти ни одного такого слова, иностранный эквивалент которого полностью совпадал бы с ним по объему значения. Поэтому именно общую лексику желательно использовать при контрастивном анализе параллельных текстов (иностранного текста и его перевода на родной язык или текста на родном языке и его перевода на иностранный). Единицей контрастивного лексико-синтаксического анализа должно быть предложение, в котором реализуются конкретные структурно-семантические особенности составляющих его единиц. Однако, сопоставление следует начинать не с целых предложений — это заключительная стадия контрастивного анализа. Точно так же не следует начинать с сопоставления отдельных слов, так как такое сопоставление не создает ситуации, необходимой для создания автоматических навыков владения языком. Таким образом, используя в качестве единицы контрастивного анализа предложение, следует разбить его на такие составные части, которые отражали бы конкретную структурно-семантическую природу анализируемых лексических единиц. Для этого можно использовать словосочетания (по английской терминологии — *phrases*), элементы которых семантически тесно связаны между собой. Такими словосочетаниями-фразами, в частности, оперирует современная генеративная теория Н. Хомского, предусматривающая последовательное расчле-

нение предложения на именные фразы, глагольные фразы и т.д. Такие фразы примерно соответствуют в русском языке синтагмам. Например, русское предложение «Высокие деревья стояли у дороги» следующим образом разбивается на фразы (синтагмы): Высокие деревья (стояли) у дороги.

В английском утвердительном предложении *The boy (found) a fat wallet (in the street) yesterday* мы имеем прямой порядок членов предложения: подлежащее — глагол — дополнение. Отклонения от этого порядка в утвердительных предложениях встречаются редко. Постановка слова *boy* перед сказуемым *found* имеет синтаксическую функцию; оно определяет его роль в предложении как грамматического подлежащего. Если перед сказуемым поставить слово *wallet*, а после него — *boy*, то предложение станет бессмысленным. Но обстоятельство *yesterday* можно перенести и в начало предложения. Нормальный порядок членов английского предложения: подлежащее — глагол — дополнение. Любой другой фразовый элемент может предшествовать подлежащему в начальном положении. Вследствие этого подлежащее и дополнение могут меняться местами. Нарушение порядка слов (инверсия) не изменило бы отношения между подлежащим, глаголом и дополнением, оно вызвало бы эмфазу, т. е. дало бы в английском форму: *It was a fat wallet that the boy found*. Порядок слов в английском предложении имеет синтаксическую функцию. Ниже приводятся некоторые варианты перевода рассматриваемого английского предложения на русский язык:

1. Мальчик нашел вчера на улице толстый бумажник.
2. Мальчик нашел на улице вчера толстый бумажник.
3. Мальчик нашел на улице толстый бумажник вчера.
4. Мальчик вчера нашел на улице толстый бумажник.
5. Вчера мальчик нашел на улице толстый бумажник.
6. На улице вчера мальчик нашел толстый бумажник.
7. Толстый бумажник нашел вчера мальчик на улице.

Возможны и другие варианты перевода, но и приведенных достаточно, чтобы сделать некоторые наблюдения. Прежде всего, мы видим, что в русском языке нет надобности делать выбор между разными формами прошедшего времени. В русском языке, правда, приходится считаться с видовыми формами глагола, но в данном случае этот вопрос снимается наличием в составе предложения слова *вчера*, которое в данном контексте указывает на однократность действия. Этим словом и определяется вид глагола *находить* (нельзя сказать: мальчик находил вчера на улице толстый бумажник). Сопоставление приведенных выше вариантов создает впечатление, что в русском языке можно любым образом переставлять синтагмы в пределах предложения. Однако такое впечатление об абсолютной свободе порядка слов в русском предложении было бы обманчивым. В русском языке имеются свои стилистические и смысловые правила построения предложений, о которых, в частности, говорит Р. Якобсон: «Возьмем для примера русский язык, в котором из шести теоретически возможных следований, состоящих из трех элементов — именного субъекта С, глагола Г и именного объекта О, — возможны все шесть, т. е. СГО, СОГ, ГСО, ОСГ, ОГС... Несмотря на эти возможности, лишь следование СГО стилистически нейтрально, тогда как все «рецессивные» варианты воспринимаются носителями русского языка как эмфатические варианты. Русские дети, начинающие говорить, используют лишь следование СГО; предложение *Мама любит папу*, будучи изменено на *Папу любит мама*, может быть воспринято маленькими детьми как высказывание со значением *Папа любит маму...* в русском языке именной субъект и объект морфологически не различаются, их относительное расположение по схеме СГО является единственно возможным: например, *Мать любит дочь* (предложение *Дочь любит мать* имеет противоположное значение)» [6].

Сопоставим правила деления предложения на фразы-синтагмы в английском и русском языках. Как видно из приведенных выше примеров, деление предложения на синтагмы в русском и английском языках производится по одним и тем же правилам. Разница заключается лишь в наличии в английском языке артикля, который играет определенную роль в членении предложения на фразы-синтагмы. Эти различия в членении предложения на фразы-синтагмы

имеют большое значение для контрастивного анализа предложений в разных языках.

Таким образом, синтаксическая типология занимается сравнением единиц синтаксического уровня. Основными единицами для сравнения служат слова, словосочетания и предложения. Вопросы синтаксической типологии первыми начали разрабатывать И.И. Мещанинов, Ч.Е. Базелл, Ю.В. Рождественский, Г.П. Мельников и другие.

В существующих работах рассматриваются различные стороны синтаксической типологии. Например, у И.И. Мещанинова члены предложений выступают в качестве универсальных категорий, Ч.Е. Базелл объединяет морфологический и синтаксический уровни при сравнении систем языков.

Мы считаем, что при решении вопросов перевода надо главным образом исходить из общности понятийных систем у представителей различных языков. Это дает основание для гипотезы о вероятности существования того или иного понятия у народов, говорящих на различных языках. Такие системы понятий выражаются в различных языках различными языковыми знаками. Кроме того, эти соответствия можно выявить путем абстракции, т. е. путем типологических сопоставлений систем данных языков.

При отсутствии опыта непосредственного перевода с одного языка на другой, в условиях недостаточного межъязыкового контакта, словарные соответствия между языками могут быть установлены путем использования различных опосредующих приемов. Простейшим из них является прямое отнесение сопоставляемых единиц с явлениями объективной реальности, обозначаемыми ими. Так, зная, какой предмет обозначается словом «The apple» в английском языке, любой человек, владеющий русским или тюркскими языками, без труда подберет в русском языке слово «яблоко», а в тюркских языках — «алма», обозначающее такой же предмет. Этот прием в какой-то мере применим и для сопоставления фразеологических единиц, если они обладают достаточно четко выраженным предметным значением. Например: *to come down in buckets (sheets)* — дождь льет, как из ведра — ягъмур челеклеп ягъа.

Сопоставление возможно иногда и в том случае, когда фразеологические единицы имеют четко выраженное эмоциональное и экспрессивное значение, поскольку при этом возможно их однозначное соотнесение с вполне определенной внелингвистической ситуацией.

Другой прием заключается в том, что фразеологическая единица трансформируется в свободные словосочетания, состоящие из единиц, непосредственно сопоставимых с единицами другого языка по вышеуказанному способу. Затем подбирается фразеологический эквивалент в языке перевода, т. е. осуществляется процесс, аналогичный процессу «адекватного перевода». С помощью этого приема можно подобрать и проверить эквиваленты к значительному числу фразеологических единиц. Хотя оба приема имеют большое теоретическое значение, практически ими приходится пользоваться только тогда, когда отсутствие контактов между двумя языками является абсолютным, то есть когда нет даже одновременных контактов обоих языков с каким-либо третьим. Такой третий язык, находящийся в контакте с двумя другими, является для них естественным языком-посредником, в данном случае русский язык.

Он может быть использован в качестве своего рода «мета-языка», одинаково пригодного для представления как английских, так и тюркских фразеологических единиц. Таким образом, эквивалентность фразеологических единиц английского и тюркских языков можно выразить через их эквивалентность русским фразеологизмам. На практике использование этого приема нашло свое выражение в широком привлечении англо-русских и русско-турецких словарей и литературных произведений, переведенных с английского языка на турецкий язык, с турецкого на английский язык при посредстве русского языка.

Выведение инвариантных значений из совокупности контекстуальных ситуаций возможно только при наличии прямых переводов между сопоставляемыми языками. Мы не имеем прямых переводов с английского языка на тюркские языки и наоборот. Существуют, однако, немногочисленные произведения английских писателей, переведенные на тюркские языки через русский. Несмотря на то, что в этой переводной литературе определенными тюркскими языковыми эквивалентами часто передаются явления, характерные не для английского, а для

русского языка, мы пользовались ею при выявлении соответствий между английским, тюркским и русским языками. В отдельных случаях мы прибегали к произведениям тюрко-язычных писателей, переведенным на английский язык через русский. В большинстве же случаев приходилось ограничиваться использованием переводов произведений английских писателей на русский язык.

Перевод фразеологических единиц с английского языка на тюркские языки представляет особую трудность, так как, помимо трудностей, с которыми вообще связан перевод на другой язык образных, эмоционально насыщенных, имеющих ярко выраженный национальный характер выражений, между этими языками существуют значительные культурно-исторические различия. По этому поводу Л. В. Щерба писал: «Известно также, что мир, который нам дан в нашем непосредственном опыте, оставаясь везде одним и тем же, постигается различным образом в различных языках, даже в тех, на которых говорят народы, представляющие собой известное единство с точки зрения культуры» [5].

Это явление отображения системы понятий языком часто называют «различным кодированием действительности». Говоря о возникновении различных «картин мира», В. А. Звегинцев выделяет три категории причин их появления. К первой категории относятся социальные, бытовые и исторические условия жизни каждого народа. «Ведь совершенно очевидно, что в зависимости от того, где обитает тот или иной народ — на севере или на юге, в лесистой местности или в пустынной и т. д. — в язык войдут разные группы значений, отражающих физические, географические, экономические и прочие условия существования народа. Это же относится и к социальным, культурным, историческим факторам» [2].

Ко второй категории относятся причины, обусловленные человеческим сознанием. «Ведь человеческое сознание не есть безошибочно и автоматически действующий механизм прямой направленности на адекватное познание действительности. Путь познания действительности извилист, сопряжен с ошибками, отклонениями в сторону, заблуждениями, которые не проходят для человечества бесследно... И все эти ошибки, заблуждения и отклонения человеческого познания фиксирует в системе своих «значений» язык, так что достижение нового этапа на пути познания нередко происходит посредством преодоления недостаточно точных осмыслений, в том числе, конечно, и тех, которые прочно вошли в структуру языка» [2].

Третья категория причин находится в самом языке: «Изменение или включение в язык новых фактов, обусловленных фактором сознания или фактором действительности, получает всегда специфическую форму в соответствии с особенностями структуры каждого языка в отдельности» [2].

Различные культурные и литературные традиции часто обуславливают и различные образные понятия. У К. И. Чуковского есть пример, показывающий как по-разному воспринимают понятия «печень» и «попугай» (*«жигар»* и *«тутти»*.) русские и турки. Русские воспринимают «печень» как слово невысокого ранга. С ним связана пренебрежительная форма «печенка»: «Ты у меня в печенках сидишь». В тюркских языках слово высокого стиля, олицетворяющее понятие «любви» и даже кровного родства — *жигарим*, подобно сердцу, и поэтому вполне естественно звучат строки узбекского поэта, посвященные возлюбленной: «О, долго ли будешь красотой ты ранить печень мне?», «О, меним жигаримни гузалигинь билан узокъ кыйнайсанми?». При переводе такого стиха на русский язык надо будет заменить слово «печень» словом «сердце». Точно так же слово «попугай» — *«тутти»* у узбеков — традиционное обращение к любимой девушке («ты мой обожаемый попугай», *«меним севгелим тутти къушим»*), а у русских — олицетворение глупости и болтливости («болтает как попугай», «попугайничать»). При переводе с узбекского, видимо, следует слово «попугай» заменить названием какой-нибудь «благородной» птицы — «соловьем».

Несмотря на эти трудности, в принципе можно перекодировать любое содержание с одного языка на другой. При этом, конечно, в отдельных случаях в какой-то степени теряется образность, экспрессивность и эмоциональность. Одним из основных факторов перевода является полное совпадение многочисленных слов, пословиц, поговорок и выражений даже у

тех народов, которые исторически и этнографически далеки друг от друга. Особенно часто совпадают во многих языках пословицы, поговорки и обороты, содержание которых отражает наиболее общие суждения о закономерности или случайности, качестве или количестве, о человеческих отношениях: дружбе, гуманности, труде и др. Примером может служить поговорка «нет розы без шипов», которая существует в различных языках независимо друг от друга в одинаковой форме выражения и с одинаковым содержанием: *There is no rose without a thorn* (англ.) *тикансиз гул булмас* (узб.); нет розы без шипов (рус.). Подобные замены мы находим и в переводах фразеологизма на другие языки. Например, *to kill two birds with one stone* (англ.) убить двух зайцев одним выстрелом (рус.); бир ук билан икки куённи улдираётгандай булиб (узб.) [4].

Одно и то же значение также может быть выражено с помощью различных образов при совпадении остальных компонентов и грамматической структуры фразеологических единиц. Фразеологические эквиваленты с сопоставительной точки зрения при переводе могут быть:

- а) полными фразеологическими эквивалентами – это эквиваленты английских фразеологизмов, совпадающие с ними по значению, лексическому составу, образности, стилистической направленности и грамматической структуре, напр. *The salt of the earth* – соль земли, *as cold as ice* – холодный как лед, *play with fire* – играть с огнем. [4];
 - б) частичные фразеологические эквиваленты. Перевод при помощи частичного фразеологического эквивалента не означает неполноты в передаче значения, а лишь содержит лексические, грамматические или лексико-грамматические расхождения при наличии одинакового значения и стилистической направленности.
- Лексические расхождения: *kill the goose, that lays the golden eggs* – убить курицу, несущую золотые яйца, *a wolf in sheep's clothing* – волк в овечьей шкуре, *one swallow does not make a summer* – одна ласточка весны не делает.
 - Расхождения в числе: *fish in troubled waters* – ловить рыбу в мутной воде, *the game is not worth the candle* – игра не стоит свеч.
 - Расхождения в порядке слов: *not to see the wood for the trees* – за деревьями не видеть леса, *strike while the iron is hot* – куй железо пока горячо.
 - Русские фразеологические эквиваленты английских фразеологизмов, совпадающие с ними по значению, стилистической направленности, но различающиеся по образности: *to be born with a silver spoon in one's mouth* – родиться в сорочке.

Иногда при переводе английских фразеологических единиц применяется описательный перевод: *cross the floor of the house* – перейти из одной партии в другую, при помощи переменного сочетания слов. Иногда используется дословный перевод (калькирование): *a fair face may hide a foul heart* – за красивой внешностью может скрываться низкая душонка, *the moon is not seen when the sun shines* – луны не видно, когда светит солнце.

Калькирование, важность которого показывает К. Чуковский, применяется в тех случаях, когда в русском языке имеется фразеологизм с таким же значением, но его использование привело бы к русификации английского оборота, к полной потере им своего колорита, тогда перед русским эквивалентом ставится пометка. Напр.: *Agues come on horseback but go away on foot* (посл.) – беда к нам верхом, а от нас пешком (калька) – ср.: болезнь входит пудами, а выходит золотниками. Иногда фразеологизм переводится при помощи одного слова: *bunch of fives* – кулак, *Turkish delight* – рахат-лукум. Во многих случаях используется комбинированный перевод – калька и описательный перевод, поясняющий его. Напр.: *A good horse cannot be of a bad color* (посл.) – хорошая лошадь не может быть плохой масти (т.е. мелкие недостатки, не умаляют достоинств).

Иногда при переводе национально окрашенных фразеологизмов помимо буквального (калька) и описательного переводов приводятся также «ложный эквивалент», напр.: *carry coals to Newcastle* – возить уголь в Ньюкасл. Ньюкасл – центр английской угольной промышленности (т.е. возить что-либо туда, где этого и так достаточно), сродни «Ехать в Тулу со своим самоваром» [4].

ВЫВОДЫ

Фразеологические единицы обогащают словарный и фразеологический состав языка. При наличии фразеологических единиц в языке, обогащение его красочными оборотами, которые являются продуктами народного творчества и прочно входят в сокровищницу языка, важно правильно перевести их с английского на русский, с русского на тюркские языки и наоборот, сохраняя национальный колорит фразеологических оборотов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Брутян Г.А. Гипотеза Сепира – Уорфа. – Ереван: Наука, 1968 - с.59.
2. Звегинцев В.А. Теоретико-лингвистические предпосылки гипотезы Сепира – Уорфа //Новое в лингвистике: вып.1, М., 1960 - 123 с.
3. Сепир Э. Положение лингвистики как науки: М., 1965 – 233 с.
4. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1967. – 1264 с.
5. Щерба Л.В. О понятии смешения языков. //Избранные работы по языкознанию. Сб.- т.1, - 1965. – 51 с.
6. Якобсон Р. Значение лингвистических универсалий для языкознания. История языкознания XIX, XX веков. Ч.2 – 388 с.
7. Carrol J. Contribution of psychological theory and educational reseach to the teaching of foreign languages. «Modern Language Journal», 1965.- v/49,№5.
8. Carrol J. Linguistic relativity, contrastive linguistics and language learning. – YRAL, 1963, v.1 №1
9. Kirkwood H.W. Translation as a basis for contrastive linguistic analysis. – YRAL, 1966, IV